

6. Много страданий

сплошной голод на
основе сплошной коллективизации.

или

А н о л л и о н *

рассказ оставшегося в живых.

Я НИЧЕГО НЕ ПРИБАВИЛ,
НО МНОГОЕ УБАВИЛ.

Е. М.

Не слава его! В наш густой век
Седой жемчужин земли союзник
На всех стихиях человек
Широк, предатель или чужак.

А. Луцкий

Каких только контрастов не бывает в жизни. Представьте: неграмотный старик командует учеными мужами. Так и случилось когда сит-дидники Эмского НИИ Фитики и отмироревы приехали во Львовку на Загатовку кранов; и банга-диром над ними был назначен местный житель бед Иван. Эта мера была предпринята для того, чтобы не повторить предыдущей ошибки. Тогда с группой студентов отправили в поле молодого механика Яшку Захарова и получили не парва а вред. Яшка на следующий день рассказывал: „А всю поляну сгреб а они все сидят, а у них спрашивают: „Что вы сидите?“ а она говорят: „Мы не знаем что делать“. И выкат из такого положения все так был нейден. У кого ты нашлись корты и Вацатъ гатьфе Младца да вечера с ними придуратились, а сено

Сграбенное в валки с четырнадцать гектаров все погнило, потому, что вечером заморозил дождь, а потом еще дождь шел.

Но и от ученых мужей никакой пользы не получились. В местах кипен, начали класть из себя куци. Если бы в старое время, дед Иван беспроблемно бы научил „как на какое работать“. Виллами на башке и в миз бы начал это к земле. Возникло и на этот раз дед правел бы „лекция“ об атмосферных факторах, в каких случаях они приносят пользу, а в каких вред. Но по причине последних и пришлось прекратить работу. Ученые мужи дружно направились к избушке, а дед целешно завершил четыре куци, приговаривая: „на кой черт только таких приговаривать“, выпрыгнул камня из граблей спутав его и пошел туда же. Молодые ученые сетовали на то, что вынуждены сидеть без дела, и правили своего

шера дать им коня съездить за книгами в деревню. На это дед им ответил: - Я прожил семидесять четыре года без книжек, и вы найдёте противёте. Неужто за жизнь не прочли ни одной книги? - как интересовался один из ученых.

- А зачем берёте дидлиа - ответил вавал дед.

- Если я правильно помню, вы не грамотны?

- Ни в зуд ногой.

- А, что если мы попросим вас рассказать, о том, как сложилась ваша жизнь, что вам не удалось получить даже начального образования, не говоря уже о среднем, как вы на это реагируете?

- Да какая моя была жизнь, я вот почи-
тати с тридцатого года не жил, а только
П Е Р Е Ж И В А Л.

- Вот и расскажите нам об этом периоде.

Нет, нет - возразил ученый в очках - расскажите все, чтобы нам представлять Мичуринский

перид с новейшем временем, не на исторических историков, а уяснить этот материал из уст современника хотя бы в общих чертах. А в общих чертах она так и вышла, сперва я жил сам над собой, а потом попал к ним в шары, вот и весь мой сказ-закончил дед Иван. Ученые мужи от души смеялись.

Забавный старикашка-шеница изкасткой со-седа, и обратившись к деду сказал: панчима, вы в хронологическом порядке изложите свои биографические данные, - ну видно, что дед не понимал его слов продолжал: - ну когда вы... родились, в каких условиях пришла сама ма-ладусть, и так далее и так далее.

А молодость моя была такая - начал свое пове-ствование дед Иван - одиннадцати месяцев оттаял сифитой, и до шестнадцати лет воз-растал у тетки, а потом пришел батрачить. Два года податячил, заработал копей, телегу,

Кораву. Жениться на батрачке и пища была.
Через три года стал настоящим хозяином.
А четырнадцатому году у меня уже были три
коравы, два каня, досетка два овца, дулишка
поставил, живи да радуйся, а тут откуда ни-
взялись ерменская нагалаась, ну и забрали меня
в солдаты, и прямо в Петрозаводск в морскую по-
лоту в запасной полк. А какая солдатская тесть,
«Становись! радуйся, на первый второй расш-
тайся, а ты ротный барбу чотрачт. А бо-
раться не заставляли, хашь брали, ни комь
слотраи; а правда на охотник был на эти дела,
да товарищи подтякнули меня на эту дурь, вый-
ди да выйди, ну и вышел. Пятдесят солдат
положил, а на другой день штабскапитан пять-
десять рублей мне премию вручил.

Но полностью я от службы не отлучился. А по-
лучился вот как. Идем мы с товарищами как-то
мимо сараяго двора, и я там какой-то

Юшмык заметил, спрашивая у товарища
«Это же такое?» а он отвечает, «как же?
Юшмык для жалоб, хочешь — ты пиши Тусударю,
Ключ от Юшмыка только у ево, твоя жа-
лоба никому в руки не попадет.» С той
поры и начала мне в башке дулка, подать
гелайтнуца сарю-батчишке. Нашел грамот-
ного человека, посоказал ему все дела, а
том, што у меня осталось пятеро неспе-
ршеннолетних детей, он все это описал,
а я эту писемину отнес и отпустил в
этот Юшмычек. Через две недели вызы-
вают меня к самому Каламдиру папка, а
он мне говорит: «по величайшему указанию
можешь ехать душой, и подат мне доку-
менты и проездной билет. Вот моя шу-
жа и канчина. Приехал душой и опять
чертаментить, пахать, кошить, мочить, а
вилай есно да глызы возить, только в

правдунки и отцах несть. И тут бласть пере-
менилась, но у нас у красельни переменны ме-
бели, ментушкии зилу и лети. Да иначе и нель-
зя, семья растёт, стала бытъ и возмоща на-
до больше. Все бы нисе, да откуда мивозмись на-
гали по деревням ходитъ письмо с позачоченными
буквами, и стали мужиков тайно собирать
да письма это читать. Написана там было ска-
зано, мне так не сказать, но смысл его и до сейд-
нешнего дня в башке отдался, заворнусь в нем и
там, что пришел на землю Русскую Антихрист, ве-
ру нарушит, краемъ Божиим разрушит, христиан из
земли изгонит ну и призывает всех краешчаных
встать на Антихриста. Кто верит, кто сумел-
вался. Ну как этому поверить, что из своих домов
будут изгонять? И что веру христиану почитать
будут об этом заворни задолго до письма.
Давно ли кафатка-ли тамкавали, и решили идти на

семтиканста. А @ чем идти? Хорошо если у кого
Вердана была, а ты больше @ танцорами да @ виллами.
Ну он нам и задал жару. Как начал @ пулеметав
итарить, мы и разбретались все как тараны по ку-
@там, а потом по одному по двое @тали приближаться
к своей деревне. Я угедал с Хузьмой Крайновой, а
он хитроязыкой был, и рассказывает мне: „а я ит-
рипал, итанипал, а у меня жетвор жасла“. Намне
была не да смеху. Это итфиланце даром намне пра-
мно. Задвинись красные @ списком в руках участ-
ников Ишимского восстания. Которые успели
убежать, а иных душа захватили. Душа и меня
захватили. Командир икий спрашивает: „Вы Лавров
Иван Мартельянович?“ „так точно“ - отвизано.
„В колпаках - (эти та деревня где мы воевали)
в вооруженном восстании участвовали? А ку-
да попрешь? „Участвовал“ - говорю. А он мне:
„Вы подлезайте пидарелу на месте, и высаете
из кедурсы револьвер, а другой говорит: „мчафрин

командир, а не лучше ли сделать это в городе?
Здесь детей перепугаем." "В городе так в городе"
де" - говорит, - "Вот ты этим делом и займись.
Только вывели меня в сенки, а на ветру у нас
Лопатин, он тоже у красных каким то начальни-
ком служит, а меня он хорошо знал. "Вы куда
ево?" спрашивает, а она ему - "к стенке." "Отста-
вить!" командует. А котиков хотел меня прих-
ватить спрашивает: "а в чем дело?" а Лопатин
ему: да за што убивать эту туниску? Он кру-
ме как рубить, вообще в жизни ничего не знает.
А я про себя думаю: хоть бы иша бараном назвал
только бы не убили. Вот так пуля и меня мимо-
шла. А вора света надо спасать. Они к нему
в городу заходят, а она белье в веревки собирает.
На вопрос: дама-ли козник? - говорит: "ушел куда-то,
они в приган, а она в избу и командовала му-
жику ложись на кровать, если хочешь жить.
Он лег, а она белье на ево, да в теруны в хайку

Успела принести, пока они в избу не зашли, а ко-
гда зашли, нагнали иекать под кроватью, под ко-
лом, на печке за печкой, а он пчуживает на кру-
вате и сам не знает тали он живой тали ме-
ртвай. Так и Отмелея. А Петюря Лузка, как
тот што лутьче намер уетршил. Вывели ево на
расстрел, а он говорит: "разрешите мне с ко-
нем пройтись, два раза по ограде проехать".
Разрешили. Вывел он жеребца, сел верхом, проехал
раз по ограде, второй раз ижекал, да как дает ко-
ны на бикам, а он через забор и миткой звали.
Чё творилась не приведи Тасица. Красны идут -
красной орак вешают, белы идут - белой орак
вешают. А тут Чехи пишли, черт бы их не знал
какие оме, какой орак вешать?

Ну вот, семь бед праши, восьмая началась: в два-
дцать первом году хлеб не родилея. Пачиниев скатину
сдывать, да хлеб перунать, а оздили за это берет
в июльцаль, а все равно не хватило, на другое лето

Курни камышевы доставали из озера, сушили, ту-
кли и в туку прилеживали. Вот так и пробились
до нового урожая. Систематически всё ушомкалось и на-
чалась такая-то жисть. Сыновья подрасли, помом-
никами стали. Скот развел, самовару купил, и пош-
ла дела карсом. Нагуливать начал. Зимой в през-
дники у нас здоровья гуляли. Гулять, гуляли а дело
знали. Штабы с чем нибудь в свое время не управились,
ни разу такого не было. Но от пьянки этой все та-
ки добра мало. Водким пистом как-то дела было.
Поехал я на отансына а на делу, а там с дружкойм
встретился. Затащил он меня к себе, ну и нахле-
стались как следивит. В полночь поехал домой. Ач
озера доезжаю, загонят меня тройка. Кони ми
кони, кашева не кашева. Кричат мне: садись с на-
ми, а варанука сама домой придетит. Ну и закате-
лись мне на ихней тройке прокатиться. Оттанав-
ливаюсь, а жуть, поехали и сразу окезались в незна-
комый деревне. Остановилась тройка у большущего

душа. Она мне говорит слезь, зябти в дом, воята
у нас не открываються лезь над воята, ну я ви-
жу, што можно прелезти, стана на колени и
говори: „Ну господи благослави“. И вояц не стала
ни воят, ни душа и нитройки. А стана я на ко-
леночках у проруби кимской, а бабку туда не ус-
пел захватить, чытала, што Бога величания.
И куда только душь из бабки девалась? И стала так
как будто вина я ерду не пил. Прочитал „Отче наш“
и „живые памяти“; Огляделся, Озеро наше; а очиря-
дом с деревней. Пряхоту к дому, вояцка у воят
стоит. Завоту в ограду, распрягану, ставлю на ме-
ста и как ни в чем не бывала захоту в дом и по-
хуць отать. Хоть и прюжна гвртей а все равно
чонуть не мог. С тех пор мадам гулять в пистол.
А весной в этом же году амтиресной случей
был. Скакали мы на земке, а в субботу я рубят
отправил душой, а сам с кандами остался на
земке. Увса кимей подалше, спутал, читала ра-

Заткнута и иду к избушке. А темно уже было. Ст-
куда ни взглянешь ни вдалеке так, человек в белой
рубашке стоит, одну руку кверху держит и зубя-
ми скрипит. У меня мурашки по коже забав-
гали, и чувствую как волосы на голове поднимаю-
тся. Что делать? А присесть думаю, вот теперь
узнаю кто я такой, трус или нет. Ни дала ду-
мать некогда, — перекрестился и прямо на себя.
Богдохну... Улесь ево по башке! Не так? Кака
та пель пошла. Башаря, припадая, „тбору дурак“;
дак это же пель зницей я обил. Иду мештаню:
почему же он зубами скрипит? Эту загадку
я на другой день разгадал, когда коней пошел смо-
треть. Оказалось у моего покойника, бедошник-
ка была задраная, ветром ее поддуват, а она
мишлат. Ити только ни быват в жизни? Уто дру-
гой рассказал бы дак ни поверил бы, а когда на сво-
ей коже все цепытам туот уже никаких дока-
зательств не надо. А есть и еще такие

Дурочки, начнем им про старую жизнь рассказывать
не верят. Раньше я за семнадцать годов скота пла-
тил мало, три рубля все сорок копеек, а теперь?
давно ли было когда по семь шкур @ одной козлен-
ки сдирали? Ну ладно, эта я маленька вперед за-
сказал, а вы говорите надо... В хранилищеском по-
рядке рассказывать. Вот и пиши опять житюка
сеел, пишем, а маюед придет нам да пишем. Да
и в пост не шибко бедствовали. Набеем рыжиков ма-
сла батеночек, да каштанного, да рыбы наливимь, ку-
лаки наладят, ниже можно было поествовать. А в кафе
и школу открыли. Малыши в школу пиши, а переру-
ски в ликбес. Хотя грамота эта не всем дается,
а учитьея всех малышей заставляли. А к чему барана
учить? Ему заварят "а" а он свое "ба-а".
Раз как-то приходят ребята @ ликбеса, заката-
ватоа хохчут. Спрашиваю: "Не там такое у вас
случилось?" Ну и рассказывают: Взорка-Пурка - (это
прозвимино такое) учителька заставлял читать

Ну он и читает: У - МЫ - КЫ - ОЛ. „И что-же получи-
лось?“ - спрашивает учителька. Тучок молчит. „Так,
что-же получилось, Георгий Влезаревич?“ Второй раз
- спрашивает учителька. А он смотрит, смотрит на
потолок да и шкрякает: **КОВЫК!**

Утирая слезы от смеха, слушатели присели деду: „привал-
тайте пожалуйста, у вас так хорошо получается.“

„Да нет, - ответил дед - „недо понимаете, што там
от миссонерные работы делают.“ И вышел из избушки.

Оставшие дни ученые комментировали рассказ деду.

Один говорил: „у него трагизм удачно гармонирует с
юмором, хотя повесть его не лишена абстракции.“

„Так то оно так“ - говорил другой - „но память гелувене-
ская не пишущая машина времени, за долгие годы мо-
жет из нее кое, что повыветриться и рассказ по-
лучается до некоторой степени абстрактным.“

„А как вы реагируете на чертей? - спросил первый,
„Конечно при условии если дед говорит правду?“

В избушку вышел дед Иван, и повествование правди-

Лжеслице. А теперь мой рассказ - начал бед - не шибко смешной будет, а в паре чуть плачь. И не котелку бедую треложить, да раз уж так получилось. Правильно говорят: Век живи, век учишь, а дураком умрешь. В двенадцать девятом году, мы с Лисенко ни в Плавске, купил второй дом в соседней деревне. Стали же сыны надумали женить да отделиться. А он ни такой дурак как я и говорит: Возем ты с собою куми? Все равно нас раскулачивают будут. "Как так раскулачивают?" - спрашиваю, потому, что первый раз слышу такое слово. А он мне говорит: "А вот так; отберут все хозяйство, а самих на работу отправят. Да как же могут у меня хозяйство отобрать?" - спрашиваю. "Что я грабитель или ворюга, что у меня с собою отобрать? Ни с тобой - ли да ни с братьями твоими ли мы его несли? Да ни сами потом проливали? Дале-шире; дале-шире и поругались. Он понял, что Лисенко не признает, и ушел на станцию, поехал на работу в село, да там и женился, и у жены

Эта жизнь. Хоть и не соглашались я с сыном, а
все же подаиваться стала. Восемнадцать больших
гамек топленого сала к следу бедняку унесли, да
дыка крада и из одежды кое-что припрятали.
Вот тебе и тридцатый год. Ближе он нам не
видану и не слышану до этого году. В Ан-
варе я был крестьянином-средняком, как тогда
называли; а в деревне стала нишым. Все да ни-
тки отбросил. Дебята каторы исторые, как
ласточата из одного гнезда, разлетелись
кто куда. А каторы помельче побросали в ка-
риб, ляхматями прикрыли и на сылку повезли.
День везут, два везут, а куда - неизвестно. Вот и
неделя в дороге прошла и приехали мы в город
Тисру. Иселили нас в какой-то подвал и живем
мы тут припеваючи. Нана потихонечку: ох, ох а
ребятишки во все горло: ись хозу! ись хозу! а
где это "ись" взять, не ихне это дело. Два дня
спевку приводили, на третий мама пришла по

по городу, на другой уже песней: „подайте милости-
нку Христа ради!“. Каменные серсы, и то бы разва-
лился, а как мне выдвинуло понятие не имею. Без
сидим, другой а потом и ребятишек которые по-
исполье стала приглашать на этот промысел а
они не идут. На то лучше гитавые думочки да
манежки ись. А на миру идти? Да это толь-
ко сказать легко. А ну-ка поправуй сиди.

Не раз я вспоминаю девятнадцатый год. Не мог-
ли же меня тогда приключить; лежал бы стоко-
ими в могиле, и семья без меня может быть не
транила бы. Вот сидим мы неделю, дружно и безу-
нас ни в перед ни в зад и ниже не говорят, хити жи-
ви, ни хити умирай, никому да нас никакого дела
нет. Ну сие идет. Хотят нас взять за какое-то
басножанское билет, а мужики здешние, коней не
дают и сами не едут, потому что без съез-